

После того как Джессика ускакала «разгрести дерьмо за мелким», то бишь мной, я вернулся обратно в гостиную, где ещё какое-то время подвергался, уже не такому явному, напору со стороны прекрасной половины семейства Харди. Вернее, третьей, но от этого не менее прекрасной, его части – сестра, пока я там беседовал с Джесс, ушла к себе в комнату.

Мама вяло полоскала мне мозги на тему моей безответственности, их переживаний и далее по списку. Я же в это время лишь кивал, аки китайский болванчик и соглашался с тезисами, клятвенно заверяя, что, дескать, больше никогда.

К счастью, продлилось это не долго. Глянув на часы и увидев, что всё время завтрака было нещадно потрачено на одного нерадивого сына, старшая Харди, подарив материнский поцелуй мне в щечку и крепкие объятия, которыми, словно хотела меня раздавить, убежала приводить себя в порядок и отправляться работать – у бизнесмене... пардон, бизнесвумен, не бывает выходных – лишь работа, взятая на дом. По её обмолвкам, у неё там сегодня намечается какая-то встреча важная и нужно подготовиться. Я же, тяжело вздохнув, поплёлся к комнате сестры.

Последние полчаса я неоднократно прокручивал мысли по поводу всей этой ситуации у себя в голове и никак не мог понять, как мне поступить. С одной стороны, Фелиция – моя любимая сестрёнка, на которую я просто не могу долго злиться, с другой – она совершила далеко не рядовой проступок. Я готов был терпеть от семьи разное, но тем немногим, не входящим в рамки дозволенного, было предательство. Предавший один раз предаст снова – эту истину я узнал ещё в прошлой жизни. На собственной шкуре.

Сейчас, когда я успокоился и, казалось, морально закалился, благодаря одному... Ладно, хер с ним, в общем, сейчас я был спокоен. Мозгоедство оно такое – сначала это тебя выводит из себя, но чем больше оно идёт, тем сильнее «иммунный ответ» вплоть до невосприимчивости к этому приёму. Мой сеанс церебрального секса, нет, я бы даже сказал, целая оргия, выпили из меня все соки и сейчас, даже не смотря на ранний час, всё, что мне хотелось это лечь и уснуть. Уснуть и не просыпаться хотя бы часов двадцать.

В таком состоянии эмоции не властвовали над разумом, и я мог посмотреть на всю ситуацию под иным углом.

Фелиция любит меня. Любит как мужчину, а не брата. Да, я был слепым бараном, но сейчас то я это уже отчётливо видел. Видел её любовь. Она была в её взглядах, произвольных жестах и мимике. Даже тембр голоса, становившийся в разговоре со мной слегка выше – всё это навязчиво указывало на факт влюблённости. А та истерика, из не случившегося будущего, прямо говорила, что влюблённость неуклонно переходит в иной разряд. И все мои знания о женщинах бьют тревогу, потому что я чётко видел ту грань, к которой стремительно двигалась сестра. Грань, пересечение которой изменит всё и навсегда. Нет, я не про инцест. Это... немножечко иное. По всем признакам Фелиция на полной скорости движется к границе, за

которой начинается то, что японцы называют «яндере». Ну, это такие психопатки, больные любовью, что, впрочем, и означает дословный перевод этого термина.

Если Фелиция пересечёт эту границу – быть беде. Монах уже встречал подобных женщин в своей жизни, и они несли за собой лишь хаос и кровь. Не факт, что сестра будет именно такой – всё же у тех женщин был другой менталитет и немаловажный бонус, в виде наличия сил, позволявших им скрутить едва ли не любого мужика на голой физике. Вот только абсолютной уверенности в обратном, в отношении Фелиции, у меня не было.

И что делать? Нет, я бы мог сказать, мол, прощаю тебя, сестрёна, мог бы закрыть глаза и вообще не поднимать тему предательства и жить дальше, но... Я не мог так поступить.

Я уже говорил, что лицемерен и признаю это, но если я «закрою глаза» сейчас, то сам стану тем, кого терпеть не могу. Сам стану предателем, ведь предам Петру. Предам её доверие. Предам ответственность, которую я взял своим признанием. Предам свои идеалы. Могу ли я так поступить?

Тяжело вздохнув, я постучал костяшками пальцев в дверь.

— Фелиция, я могу войти?

За пять минут до этого. Фелиция Харди.

Ночь и утро для младшей Харди, выдались не самыми простыми. Сначала дурацкая вечеринка Озборна, на которой ей приходилось смотреть на пьяных девчонок, липнувших к немногочисленным парням, оказавшимся там, а потом... Потом Том снова вспомнил про эту дурацкую Паркер. Его волновал тот факт, что она вновь опаздывает. Можно подумать в первый раз! Пора бы уже привыкнуть, что визитной карточкой этой девчонки являются систематические опоздания.

Но в этот раз всё было иначе. Брат ушёл, а ей с Триш надоело просто так сидеть в уголке, и они пошли танцевать. Заводная музыка и лёгкое опьянение довольно быстро отвлекли мысли девушки в другую сторону. Тело требовало действий. Энергии нужен был выход и ритмичные движения быстро захватили разум Харди. Краем глаза она заметила, как две девушки, явно до этого активно налегавшие на алкоголь, начали целоваться, а разум, постепенно сбрасывающий оковы морали под воздействием всё того же алкоголя, начал вырисовывать картины, беря за основу двух «натурщиц». Только вместо этих девиц главными действующими лицами там был дуэт брата и сестры.

Фелиция представляла каким бы вкусом обладали губы брата сейчас. Как бы переплетались их языки в страстном танце, а руки смело исследовали тела друг друга. Она представляла это, отчего в груди начинал собираться комок, неприятно сжимающий сердце. Собственное сознание причиняло боль девушке, показывая ей столь желанные картины и в то же время давая чёткое понимание об их несбыточности. Том не видел в ней женщины. Для него она была лишь сестрой. Сестра... Порой она ненавидела это слово.

А потом всё закрутилось. Откуда-то сверху выбежал брат, которого девушка заметила краем глаза. Весь взмыленный, он быстро выцепил взглядом их компанию в толпе и рванул вниз. Громкая музыка мешала услышать весь короткий разговор двух парней, но Том быстро что-то натыкал в телефоне и скинул это Гарри, а потом сорвался и побежал к выходу, а на её окрик лишь бросил, что сейчас не время и убежал к лифту. Как позже узнала Фелиция, Паркер попала в какую-то беду, и брат побежал её выручать. Один. Бросив их. Фелиция хотела было броситься за ним вдогонку, но была поймана цепкой и, на удивление сильной рукой младшего Осборна, который прямо ей заявил, что он никуда её не отпустит, ведь «пообещал Тому и отвечает головой».

Эмоции переполняли Фелицию. Подумать только, Осборн решил, что может ей что-то запретить, может он ещё её и силой удерживать будет?! Как оказалось, будет. Ух и устроит она Тому головомойку, когда тот вернётся! А то кажется, кто-то начал забывать, кто тут старший близнец...

Фелиции не оставалось ничего, кроме как недовольно сопеть и цедить сок, сидя на втором этаже, смотря на веселящихся людей и нервно покачивать ногой. Время тянулось подобно улитке, а девушка постепенно начинала себя накручивать. Беспокойство за брата накладывалось на живое сознание юной девушки, рисуя всевозможные картины, начиная от тех, где брат уже успел попасть в больницу, заканчивая теми, где тот всё наврал и решил таким образом убежать куда-нибудь с Паркер, и они сейчас сидят где-нибудь, гадко хихикая и целуются.

Час сменялся другим, а беспокойство лишь продолжало расти. Когда на часах, до полуночи оставался жалкий час, а от Тома всё не было вестей, ребята начали попытки до него дозвониться. Естественно неудачные. Нет, телефон не был выключен и не находился вне зоны действия сети. Этот засранец просто не брал трубку!

Неизвестность способна пугать почище всяких монстров и темноты. Фелиция боялась. Боялась, что с Томом могло что-то случиться. Постепенно её тревога перекинулась и на других. Первой была Триш, которая лишь подливала масла в костёр, болтая без умолку и вбрасывая одну теорию хуже другой. Туда шло всё, начиная от лежащего где-то избитого Тома, заканчивая тем, что его могли похитить инопланетяне! Возможно, в другой момент Фелиция бы посмеялась над несуразной глупостью подружки, но не в тот момент. Нет, бред про инопланетян она даже не рассматривала, ведь хватало и других «вбросов».

Когда часы показали ровно полночь, Гарри, до этого будто гипнотизировавший целый десяток минут свой телефон и давно уже забивший на свою собственную вечеринку, вдруг резко стал что-то нажимать и вскоре приложил телефон к уху, после чего оттуда раздался довольно знакомый голос.

Это была Джессика, начальница охраны их с братом матери. Озборн коротко обрисовал ситуацию и буквально через двадцать минут женщина уже поднималась в пентхаус на лифте. Её появление Фелиция встретила словно явление какого-то героя из сказок, пришедшего спасти её от злобного дракона в лице Озборна, удерживающего девушку по воле её самодура братца.

Джессике ещё раз обрисовали ситуацию и та, с хмурым видом, повела Фелицию вниз к машине, попутно начиная кому-то звонить.

Дорога до дома совершенно не запомнилась. Девушка находилась на иголках, а в голове была одна единственная мысль:

«Плевать, пусть они хоть там трахаются с этой Паркер, но пусть он будет живым! Прошу, лишь бы с ним ничего не случилось...»

Дома, едва не впадающую в истерику дочь, встретила взволнованная поздним звонком своей главы службы безопасности, мать семейства. Вновь пересказ и вновь ожидания. Неизвестность.

Эта ночь по праву может считаться одной из самых тяжелых для женской половины семейства Харди. Если Фелиция ещё не так остро переносила исчезновение брата, то вот мать... Анастасия старалась этого не показывать при дочери, но внутри она едва ли не выла. Всё повторялось. Неизвестность. Прямо как тогда, когда её сына похитили и требовали выкуп. Вот только тогда у неё был муж, на которого она могла положиться и заплатившего очень большую цену за это. А сейчас... Сейчас были три женщины, всю ночь обрывавшие телефоны и не находившие себе места. Джессика даже подняла свои связи в полиции, попросив передать описание внешности парня по радию, чтобы подключили патрульных.

Горячий кофе практически заменил им кровь в жилах, а телефоны, казалось, стали продолжением их рук. Единственное, что оставалось это ждать. Ждать какой-либо информации.

И вот, когда казалось, мать семейства, уже чисто по инерции нажала кнопку вызова, ожидая очередные, осточертевшие за эту ночь, гудки, с того конца раздался голос Тома:

— Привет, мам, — как ни в чём небывало, будто это не он пропал неизвестно куда на целую ночь, ответил тот.

Тот океан эмоций, что испытали женщины был неопишуем.

— И как это понимать?! — в тот момент весь этот океан смог вылиться лишь в эти четыре слова. Она хотела многое спросить, многое сказать, накричать, заплакать, вздохнуть с облегчением и устало упасть куда-нибудь, где мягко, но смогла сказать лишь это. Жалкие четыре слова. И что же получила в ответ?

— Мама, успокойся. Со мной всё хорошо, я сейчас в такси, через двадцать минут я приеду и мы поговорим, хорошо?

После этого Том положил трубку, а женщина хотела приложиться к бутылке, в попытке унять дрожь во всём теле, отходя от пережитого стресса. Её сын жив. С ним всё в порядке, он скоро будет дома.

Фелиция видела состояние своей матери и слышала разговор. Да чего уж там, она сама находилась в примерно таком же. Только если мать могла скинуть стресс с помощью виски, то вот дочь этого сделать не могла и всё то волнение, все те нервы и переживания соединились вместе, превратившись в жуткую массу, обещавшую нерадивому братцу все кары египетские. Осталось лишь его дожидаться.

Вот только какого же было удивление и шок девушки, когда приехал брат и рассказал причину своего отсутствия. Внутри Фелиции всё похолодело. Паркер... Это была Паркер. Но холод вызвал не тот факт, что Томми был с ней, нет, его вызвала причина этого.

Девушка не любила Петру. Не любила, но не ненавидела. Да, она её раздражала, местами даже бесила до зубовного скрежета, но ненависть... Нет такого не было.

На Паркер напали. И кто - те о чьих нападках Фелиция знала и закрывала глаза, думая, что ничего серьёзного не случится. Как оказалось, случилось. Эти придурочные хотели ту искалечить! В тот момент, когда это сказал Том, сердце внутри резануло болью, а чувство вины, подобно яду попавшему в кровь, начало распространяться по телу. Она знала... Не предотвратила... Это её вина. Это из-за неё... Всё это из-за неё!

Пока чувство вины, шаг за шагом, кусочек за кусочком, начинало пожирать её тело, Том продолжал.

Он спас её. Спас Петру, а потом отвёл домой и успокаивал всю ночь. Фелиция попыталась представить себя на месте Паркер. Как бы она поступила? Как бы она перенесла подобное будь ей? За годы знакомства и негласного соперничества, девушка смогла неплохо узнать характер Паркер, отчего ответ на все эти вопросы нашёлся быстро: отвратительно - вот как чувствовала себя Петра. Фелиция даже не удивилась, если бы Тому пришлось всю оставшуюся ночь успокаивать девушку, спасая ту своим присутствием от истерики. Да, сейчас такое время, что женщинам приходится быть сильными, но Том... С ним всегда возникало такое чувство, что хочется плюнуть на всё и быть просто слабой девушкой, нуждающейся в ласке и защите. В тепле и уюте.

Из собственных мыслей и приступа самобичевания девушку вывело восклицание брата, заставившие Фелицию обратиться в слух:

— Нет! Они все живы!

«Что она пропустила?» и «О чём говорит брат?» — были её мысли в тот момент.

По обрывкам фраз и реакциям мамы и Джессики удалось понять, что пропустила она немного немало, а момент, факт, который мог бы лечь тяжким грузом на её сердце. Её брат мог стать убийцей... Из-за неё. Из-за того, что она закрыла глаза на унижения Паркер. Не предотвратила. Не сказала.

Тело девушки содрогнулось как от удара. Казалось, вся кровь в её теле замёрзла, а пальцы рук онемели от холода.

Никудышная. Никчёмная. Завистливая. Непроходимая идиотка.

Её эгоизм привёл к этой ситуации. Её эгоизм едва не сделал любимого человека убийцей...

Сердце стучало, отдавая ноющей болью в виски, погружая девушку в пучину самобичевания из которой, казалось, не было выхода.

Для Фелиции мир сузился до одной точки, отчего она даже не сразу заметила, что брат ушёл куда-то с Джессикой, а она, понимая, что больше просто не выдержит, решила отправиться к себе в комнату и попытается уснуть, хоть и очень сильно сомневалась, что сможет.

Девушка ворочалась, лёжа на кровати, окружённая мыслями, словно стаяй коршунов, увидевших умирающую жертву и ждущих, когда та, наконец, испустит дух, дабы они могли вдоволь полакомиться её мёртвой плотью. Фелиция меланхолично отмечала, что история вновь повторяется: в прошлом из-за её эгоистичного желания умер дорогой ей человек, а сейчас её эгоистичное желание едва ли не сломало жизнь другому дорогому её сердцу мужчине. Но... Как ей быть?! Что ей делать со своими чувствами? Почему... Почему всё не может быть просто? И почему сердце так сильно болит от этой любви...

Как бы было хорошо, не влюбись она в собственного брата. Как бы всё было просто, не будь они родственниками. Но судьба — поистине коварная сука, решившая, что будет интересно посмотреть, как девушка будет разгребать всё это дерьмо, а в это время ей на голову будут скидывать всё новое и новое, с затаённым дыханием и сладко подрагивая в нетерпении ожидать, когда та сломается.

Фелиция сожалела о своих ошибках. Да, она признавала, что совершила ошибку с Петрой. Пусть они не были лучшими подругами, но девушка не заслужила подобного. Да, в прошлом за неё говорила ревность, но... Она не желала ей смерти или сломанной жизни! Может на эмоциях она и думала о таком, но это были лишь эмоции, а не всамделишная ненависть, граничащая с желанием смерти!

Из вороха мыслей и эмоций Фелицию вырвал стук в дверь.

— Фелиция, я могу войти? — раздался по ту сторону голос брата. Девушка вздрогнула. Ей одновременно хотелось провести с ним время, обнять всеми четырьмя конечностями и не выпускать, уснув, согреваясь как раньше в его свете и, в то же время, не хотелось его сейчас видеть, остаться одной и вновь окунуться в пучины самобичевания, в странном порыве мазохизма.

— Входи, — девушка приняла сидячее положение, прижимая к груди подушку, ища в ней, своего рода поддержку, не зная, как смотреть в глаза брату. Ведь она всё знала. Знала, но не сказала.

Том выглядел всё так же, немного потрепанным и взъерошенным, хотя было в этом что-то своё, привлекательное. Юноша зашёл внутрь, прикрыв за собой дверь и отодвинул кресло из-за письменного стола, придвинув его ближе к Фелиции, после чего сел, откинувшись на спинку и запрокинув голову назад, издав глубокий протяжный вздох.

Молчание затягивалось. Фелиция боялась поднять глаза и встретиться с взглядом любимого, а тот, в свою очередь, не торопился начинать, словно хищник, нагнетая обстановку вокруг своей жертвы.

Когда уже девушка собиралась сказать что-то, тишину разверз голос Тома:

— Что мне делать, Фелиция? — голос брата сквозил усталостью, но не той, физической, а моральной. Слово из него в один момент вынули все эмоции, оставив лишь безграничную усталость. Подавляющую и обширную.

— Что?

Фелиция была в смятении, откровенно не понимая, что конкретно имеет в виду Том: была ли это просто странная констатация факта его моральной усталости от пережитого ночью, либо запоздалая реакция на драку и её возможные последствия или ещё что. Ворох мыслей, словно по цепочке, одна за другой, возникали в голове девушки.

— Как мне поступить? — всё так же смотря в потолок, откинув голову назад спросил он.

— Я... Я не понимаю, Томми...

Но последующие слова прозвучали для близняшки подобно грому среди ясного неба.

— Я знаю, что ты знала об издевательствах над Петрой.

Внутри Фелиции всё заледенело. Весь её внутренний мир словно покрылся сплошной коркой льда, готовой в любой момент разбиться вместе с её сердцем и душой.

— Я... Я... — девушка не могла вымолвить и слова. Мысли путались. Ей хотелось броситься оправдываться и, одновременно, не признавать вину до последнего. Делать хоть что-то, сказать, начать отпираться. Хоть что-то, а не чёртово мямлянье и неспособность вымолвить и слова!

Казалось, Том совершенно не обращал на её судорожные попытки внимания, лишь продолжая вгонять одну стрелу в её сердце за другой.

— Я знаю, что ты любишь меня не как брата.

Если от прошлой фразы её внутренний мир заледенел, то сейчас сердце ушло в пятки и начало судорожно отбивать ритм пулемётной установки, разгоняя кровь по телу. Вот только от этого не становилось теплее, отнюдь, её тело прошиб холодный пот, а зрачки сузились до одной единственной точки, унося взгляд куда-то вдаль.

Но даже на этом Том решил не заканчивать.

— Вчера Петра призналась мне в чувствах...

Удар. Это был бесчестный удар. Самый подлый, от которого в уголках глаз девушки непроизвольно скопилась влага. Одна фраза причинила ей больше боли, чем две предыдущие вместе взятые. Паркер призналась ему... Открыла чувства. Сделала то, на что у самой Фелиции вряд ли когда-нибудь хватило бы духу. Замухрышка... Но она сделала то, что не отважилась сделать Фелиция. И пусть они находились в заведомо разных ситуациях, где одна была просто не популярной девочкой-ботанкой с посредственной внешностью, а другая родной сестрой, но, так сказать, «уровни сложности» находились где-то поблизости.

— И... т-ты... — подрагивающим голосом спросила девушка, уже догадываясь, каков будет ответ.

— И я ей ответил тем же.

Сердце девушки сжалось столь сильно, что казалось оно стремилось коллапсировать подобно звезде, превращающейся в чёрную дыру. Дыру, которая останется на месте её сердца, причиняя нескончаемую боль до конца жизни.

Капельки слёз начали скатываться по щекам, оставляя мокрые дорожки и падая на руки, до треска ткани, сжимавшие подушку. Голова девушки опустилась, а волосы скрыли её лицо, спадая по бокам. Внутри всё болело. Фелиции хотелось завывать от этой боли и надеяться, что ветер и слёзы унесут эту боль с собой, подарив вожделенный покой и умиротворение. Но этого не будет. Это расплата за глупость и эгоизм. Расплата, которая рано или поздно настигает любого...

— Что мне делать, Фелиция, — голос Тома казался ей далёким, исходящим будто из-под толщи воды. — Как мне поступить? — девушка не видела, но юноша поднял голову, устремив свой взгляд на неё. Усталый, в котором были невооруженным глазом видны отголоски боли, которые тот испытывал, наблюдая за страданиями сестры. Но так было надо, отчего он старался давить их, не позволяя голосу дрогнуть.

Ответа не последовало.

— Ты - моя любимая сестра и так будет всегда, — от этой фразы сердце, которое, казалось, не могло болеть сильнее, показало, что прошлая боль была ничем, по сравнению с новой. — Но Петра... Она наша подруга, а ты предала её. Предала своим молчанием.

Слёзы уже струились потоком, а нос заложило, заставляя тянуть вожделенный кислород ртом. Девушка шмыгнула, и попыталась огрызнуться, в жалкой попытке компенсировать боль:

— Она твоя подруга. Ты её приволок, как какого-то подранного котёнка с улицы...

— Но, тем не менее, ты знаешь её десять лет, — пресёк жалкую попытку парень, — И знаешь моё отношение к ней, и если уж не вмешаться, то сказать мне ты могла. Могла, но не сделала этого.

Фелиции не было что возразить на это, пусть даже если очень сильно хотелось. Пусть даже если хотелось, наплевав на всё устроить истерику и вывернуть факты, сделав виноватым Тома... Она могла это сделать, случись этот разговор, скажем, на полчаса раньше, а не после того, как девушка устроила себе глубокий сеанс самобичевания, закапывая себя в признании собственных поступков.

— Ты предала Петру и предала моё доверие к тебе, — вновь и вновь Фелиции казалось, что брат наносит ей кровоточащий порез за порезом, причиняющие страшную боль. Методично, размеренно, словно палач, не получающий от своего ремесла удовольствия, а просто выполняющий поставленную задачу.

— Ответь мне сестра, как я могу тебе доверять теперь? — парень помедлил, — А если бы я ответил на твои чувства... Ты бы так же в один момент могла меня предать?

— Ч-что? — этот вопрос заставил сердце девушки пропустить удар. Фелиция вскинулась, смотря сквозь застилающие слёзы глаза, пытаясь несмотря на это увидеть лицо брата. Увидеть его глаза и то, что в них сейчас было скрыто. — Я бы... Никогда!

— Как я могу тебе верить теперь? — ещё один порез. Глубокий. От которого кровь хлынула целым неостановимым потоком.

— Молчишь? Вот и я не знаю, как.

— Т-томми... — жалобно протянула Фелиция.

Том тяжело вздохнул.

— Я люблю тебя сестра, ты для меня одна из самых дорогих людей в жизни. Ты занимаешь в моём сердце особое место и мне невероятно больно от того, что мой самый близкий человек, та, которая была со мной всю мою жизнь, оказалась способна на предательство.

Всхлипы девушки уже стали бесконтрольными, заставляя порой всё её тело непроизвольно вздрагивать, а щеки обжигать новой порцией слёз.

— П-прости, братик, прости меня...

— Я не могу... Не сейчас, сестра. Да и не у меня тебе следует просить прощения, не у меня...

— Т-то-о-ми! Пожалуйста...

Но брат не ответил, отчего девушка, уже не сдерживаясь горько заревела, смотря в спину уходящего Тома.

Фелиция не помнила, сколько она тогда плакала, свернувшись калачиком и продолжая сжимать промокшую от слёз подушку. В какой-то момент слёзы словно кончились, но тело продолжало пытаться исторгнуть отчего-то ставшую ненавистной жидкость, заполняя пустую комнату судорожными всхлипами, не выпуская девушку из глубин отчаянья.

Приходила мама и пыталась её утешать, но Фелиция не реагировала, абстрагировавшись от мира, погружённая в собственный разум, где вновь и вновь прокручивала слова брата. Снова и снова. Раз за разом. Но если сознание хотело само себя наказать таким образом, то вот мозг был явно против, попросту отключив измотанный эмоциями организм, погружая его в спасительный сон.

На утро следующего дня девушка проснулась, ощущая пустоту внутри, словно у неё вырвали нечто важное... Нечто дорогое. Сознание уже хотело было вновь начать сеанс эмоционального садомазохизма, но в этот раз девушка волевым усилием остановила саму себя, удержавшись у самой границы.

Говорят, что только потеряв, люди начинают ценить это. А ещё говорят, что в экстремальных ситуациях люди способны на невозможное. Оба эти случая не совсем про Фелицию - лишь нечто схожее, но рождающее третье. Харди не сдаются. Сколотила бы Анастасия Харди своё многомиллиардное состояние, сдавшись в самом начале пути? Была бы она той, которая есть сейчас, опустив руки, после смерти мужа? То-то же!

Фелиция была её дочерью, а значит у неё это должно быть в крови! Её отвергли, она потеряла доверие, но опускать руки девушка не собиралась. Она добьётся своего, пусть даже если ей придётся стать второй. Пусть даже если придётся пойти против всего мира, но она не сдастся! Она добьётся того, чтобы её чувства признали. Вернёт утраченное доверие. Вернёт... Но не сегодня. Сегодня она ещё чуть-чуть побудет слабой и позволит себе поплакать, а вот завтра... Да, завтра, в понедельник – ведь все же решают начать новую жизнь с понедельника?

<http://tl.rulate.ru/book/760/13872>